

ТЕОРІЯ, ІСТОРІЯ ТА МЕТОДОЛОГІЯ ПУБЛІЧНОГО ПРАВА

Маżена Дияковска,
доктор юридических наук,
профессор Католического
Люблинского Университета
имени Иоанна Павла II
ORCID: 0000-0001-5040-6058
<https://doi.org/10.37374/2019-35-13>

УДК 347+34046

Влияние римского права на правовую культуру в Польше

Римское, а также вытекающее из него каноническое право, – со времен Средневековья, представляло собой две доминирующие правовые системы в европейской науке юриспруденции. Основой римского права являлись Кодификации Юстиниана в новой, приспособленной к актуальным потребностям практики и условиям феодализма, трактовке. Разработка такой трактовки была заданием для юридической науки, а первыми учеными, благодаря которым произошло возрождение интереса к римскому праву, были юристы универси-

тета в Болонье, создавшие так называемую школу глоссаторов. Их деятельность основывалась на создании комментариев для Кодификации Юстиниана, а в особенности для открытых в XI веке Дигест, глосс (примечаний), которые считались обязательными юридическими правилами. Достижения глоссаторов были собраны в первой половине XIII века Аккурсием (1182–1259) в качестве так называемых *Glossa Accursiana*¹, а принятый им метод изложения определяется как *mos italicus docendi*.

¹ P. Koschaker, *Europa und das römische Recht*, München und Berlin 1966, с. 86; F. Wieacker, *Privatrechtsgeschichte der Neuzeit*, Göttingen 1967, с. 63; H. Kupiszewski, *Prawo rzymskie a współczesność*, II издание, просмотрели и скрепили введение T. Giago, F. Longchamps de Brier, *Kraków* 2013, с. 54 и след. Глоссам Аккурсия придавалось большее значение, нежели самой Кодификации Юстиниана, а обязательными считались лишь те части юстиниановского текста, которые дожались комментариев, о чем говорила поговорка: *quidquid non agnoscit glossa non agnoscit curia* (что глосса не признает, суд не признает).

Глоссаторы считали римское право «живым» правом, воскрешенным, благодаря факту возрождения идеи Римской империи в Германской империи, а немецких императоров – прямыми наследниками римских императоров. Глоссаторы, которых правители Священной Римской империи одаривали привилегиями, распространяли тезис о том, что римское право должно обладать действующей силой на всех территориях, на которые распространялась власть немецких императоров, а применение римского права является проявлением принадлежности к Империи². Эта теория была важным фактором в политике императорского универсализма.

Итальянские глоссаторы утверждали о том, что Кодификация Юстиниана приняла новую форму. К прежним Новеллам, разделенным на десять групп, были добавлены две новые группы (*decima et undecima collatio*), содержащие частное собрание феодального права Ломбардии (конца XI века), именуемое *Libri Feudorum*, а также законы немецких императоров, Фридриха I и Фридриха II, которые по обычаю присылали свои законы университету в Болонье. Отдельные отрывки императорских законов, кроме всего прочего, включались в сам текст Кодификации Юстиниана, в так называемый *Authenticae Fridericianae* [16, с. 53].

Работы глоссаторов, в особенности *Glossa Accursiana*, которой пользовались в судах, укрепили связь науки с практикой и сделали возможным появление в XIV столетии нового направления, называемого школой постглоссаторов (комментаторов). В связи с экономическим развитием возникла необходимость внедрения более универсального и развитого права, которое соответствовало бы экономическим взаимоотношениям. Известное в Италии лангобардское право, имело аграрный характер и не отвечало требованиям новых, докапиталистических форм экономики. Оно было направлено, главным образом, на обеспечение землевладельческих прав и феодальных взаимоотношений, в то же время, римское право было более приспособлено к товарно-денежному обороту, который постепенно развивался во всей Италии, особенно после крестовых походов.

Римское право предоставляло готовые инструменты для регуляции новых правоотношений, особенно в области облигационного и вещного права. Римское право в науке и практике комментаторов приспособлялось к современным потребностям, а поворот в направлении практики привел к тому, что римское право в интерпретации этой школы стало более гибким и более приемлемым в реальной практике³.

² Сравнить, например, P. Koschaker, *op. cit.*, с. 70 паремия; F. Wieacker, *op. cit.*, с. 50 паремия. Глоссаторы зачастую были связаны с немецкими правителями (Генрихом V, затем Фридрихом I и Генрихом VI). Они верили, что, благодаря влиянию на императоров, получат возможность введения римского права, как «императорского», в практику немецких и итальянских стран. Перекладывали также на средневекового императора юстиниановские понятия об императорской власти. Император становился в их понимании властелином мира, правителем Италии и Церкви. Немецкие правители оплачивали иногда профессорам права разными привилегиями и покровительством.

³ P. Koschaker, *op. cit.*, с. 88 и след.; F. Wieacker, *op. cit.*, с. 81 и след. Сравнить S. Grzybowski, *Dzieje prawa. Opowieści, refleksje, rozważania*, Wrocław 1981, с. 84. В произведениях комментаторов римское право пропитывалось новым содержанием, почерпнутым из обычного права городов, из феодального права, монаршего законодательства и канонического права. Комментаторы придали юридической науке высокий ранг; охотно подчеркивали, что она является увенчанием человеческих знаний о мире. Связывали ее с требованиями политической

Деятельность комментаторов основывалась на создании обширных пояснений к законодательству Юстиниана, однако, главным предметом интереса был не оригинальный текст, а поясняющая его глосса. Комментаторы довели до совершенства начатый учеными предыдущей школы экзегетический метод исследования текста⁴. Связанная с ним казуистика и запутанность изложения, приводили к тому, что одному заголовку посвящались целые месяцы. Изучение права тянулось многие годы и, в конце концов, давало лишь отрывочное знание некоторых вопросов. Критика такого состояния вещей способствовала общему падению итальянских университетов в XVI веке. С ней выступили выдающиеся гуманисты (Петрарка, Салютати, Леонардо Бруни, Лоренцо Валла), обвиняя современных юристов в том, что они чрезмерно основываются на Кодификации Юстиниана, искажая картину классического права, опираясь на написанные варварским языком трактаты Бартолуса (который считался у комментаторов крупнейшим юридическим авторитетом: *nemo bonus est iurista nisi sit Bartolista*), с одновременным незнанием истории и филологии.

Практические выводы из этих обвинений сделали наиболее выдающиеся преподаватели римского права в университетах Италии и Франции. Профессор в Турине и Падуи Гвидо Панчиолли (1523–1599), прослыл в качестве создателя проекта реформы

преподавания в университетах, целью которой было облегчение студентам усвоения материала, а вместе с тем, приобретение основных знаний из всех областей права, принимая во внимание достижения гуманизма в области истории и классической филологии. Этот метод изложения привил во Франции миланский адвокат Андреа Альциат, который возглавил кафедру в Бурже и прославил её, благодаря своим лекциям в 1529–1536 годы.

Ссылаясь на разные исследования таких источников права как: обычное право, каноническое право и законодательство немецких императоров, комментаторы создали науку возрожденного римского права, которое в их интерпретации начало проникать в качестве всеобщего права – *ius commune*, и объединяющего фактора во многие правовые системы Европы. Кодификация Юстиниана в той форме, которую им придали глоссаторы, в XVI веке получила название *Corpus Iuris Civilis* [16, с. 89]. Она стала предметом рецепции в Священной Римской Империи (с 1512 года – Священная Римская империя германской нации: лат. *Sacrum Imperium Romanum Nationis Germanicae*).

Ситуация в Польше была иной: римское право сталкивалось с неприязнью или даже с враждебностью, и на это были свои причины. Знание римского права, принесённое после принятия христианства в латинском обряде, прибывающими в страну духовными лицами, не вы-

практики и потребностями товарно-денежной экономики, успешно преодолевали юридический формализм, давали научные правила толкования правовых норм, имели большие заслуги в разработке ряда коллизионных норм, которые выясняли и разрешали неопределённое или конфликтное правовое состояние, обогащали наследственное и торговое право.

⁴ См. напр. К. Bukowska, *Z historii nauki prawa rzymskiego we Włoszech i we Francji (mos italicus i mos gallicus)*. „Czasopismo Prawno-Historyczne”, т. 12, 1960, тетр. 2, с. 180: в самом начале следовало бы представить определение темы и выяснить использованную терминологию (*praemitto*), далее проанализировать отдельные предложения (*scindo*), определить существенный смысл текста (*summo*) и привести казуистику (*causamque figuro*). Лишь после этих предварительных действий происходило прочтение самого текста (*perlego*)

шло за узкий круг образованных людей. Частично, это было связано с тем, что в Польше было широко развито обычное право, сильно укоренившееся в сознании общества [25, 27, 32]. Не было также возможности и для введения, в особенности в земское право, романских элементов в процессе общегосударственной кодификации⁵.

В действительности, лишь в период правления короля Казимира Великого (1333–1370) [29, с. 375] – в Польше появилась разработанная глоссаторами концепция, хорошо известная польским юристам, обучавшимся в итальянских университе-

тах, что римское право является императорским правом: действует везде, куда достигает власть императора. Следовательно, действие на данной территории принципов римского права является одновременно доказательством, что эта страна подчиняется императору [30, с. 152; 31, с. 23].

Многовековой конфликт между польским государством и империей, связанный с её постоянными претензиями на высшую политическую власть над Польшей, повлиял на негативное отношение поляков к римскому праву⁶. Такая ситуация сохранялась также и в период дворянской демократии. И хотя кон-

⁵ Зато большое влияние сыграло римское право на право, применяемое в польских городах, основанных и функционирующих на немецком праве. Взгляд о признании субсидиарной силы римского права наиболее отчетливо сформулировал знаток городского права XVI века, писарь высшего суда немецкого права в Кракове Варфоломей Гроицкий (Bartłomiej Groicki). В своем наиболее раннем, а вместе с тем и наиважнейшем произведении Параграфы магдебургского права, этот автор отчетливо подчеркивал: «и пока магдебургское право остается, этим правом следует судить, а когда его уже не станет, следует использовать параграфы из императорского права, если бы к какому-то вопросу относилось, то так судить» (Artykuły prawa majdeburkiego, Warszawa 1954, с. 67). Это же повторял в Порядке судов и городских дел: «...саксонская земля и поляки освобождены от простого императорского права, потому что у них есть свои права, уставы и привилегии, саксонцы - от императора Константина и Карла, поляки - от Казимира Великого, от Владислава Ягеллона и от других польских королей и князей на века предоставленные. А все-таки, когда на что-то не имеют права, описанного в книгах Магдебургского права, для решения дела, о котором идет спор и где не хватает привилегий, тогда обращаются к императорскому праву» (Porządek sądyw i spraw miejskich prawa majdeburkiego w Koronie Polskiej, Warszawa 1953, с. 24). В результате английский юрист XVII века Артур Дак, автор произведения *De usu et autoritate iuris civilis Romanorum in dominiis principum christianorum libri duo*, обсуждая значение римского права в отдельных европейских странах, в отношении Польши с особым акцентом подчеркнул, а даже оценил роль саксонского права, как системы, которая допускала дополнительное применение римского права (J. Sondel, O początkach recepcji prawa rzymskiego w polskim prawie miejskim, „Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego”, Prace prawnicze, тетр. 97, 1982, с. 40; см. подробнее об этом авторе: Artur Duck – niedoceniany poprzednik Savigny’ego i jego poglądy na rolę prawa rzymskiego w Polsce, „Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego”, Prace prawnicze, тетр. 97, 1982, с. 69 и след. На тему субсидиарного значения римского права в польском городском праве, а также о практическом применении этого права в высших судах и в ассессорском суде, см. также: K. Bukowska, O recepcji prawa rzymskiego w prawie miejskim w dawnej Polsce, „Czasopismo Prawno-Historyczne”, т. 20, 1968, тетр. 1, с. 257-258, а также того же автора: Orzecznictwo krakowskich sądyw wyższych w sprawach o nieruchomości miejskie (XVI–XVIII w.), Warszawa 1967, с. 13 и след.

⁶ Это явление не ограничивалось Польшей: в 1219 году король Франции Филипп Август, стремясь подчеркнуть независимость своего государства от императорской власти, испросил у папы Гонория III декрет *Super specula*, запрещающий изучение римского права во французских университетах, особенно в Париже, что, по мнению А. Ветулани доказывает политический подход к науке (*U progu działalności...*, с. 23; *Początki najstarszych wszechnic...*, с. 152).

цепция о политической власти над территориями, жители которых пользуются римским правом, была все еще живой у дворянской общности, она все же утратила свою актуальность⁷. Вместе с тем, начиная с XV века, на первый план выдвигается другой фактор, повлиявший на непопулярность Кодификации Юстиниана в Польше. В содержащихся в ней принципах, провозглашающих высшую позицию монарха: *Princeps legibus solutus* (Ulp. D. 1, 3, 31) и *Quod principi placuit habet legis vigorem* (Ulp. D. 1, 4, 1 pr.) польское дворянство видело путь к концентрации прерогатив монаршей власти, результатом чего было бы ограничение дворянских привилегий и сокращение роли дворянского сословия в политической жизни государства. Этим следует объяснять сопротивление широких кругов дворянства в отношении введения новаций в земском праве, а также против его кодификации⁸.

Стремление к унификации и кодификации права выступало в дворянском лагере Польши, как одно из требований сторонников идеи экзекуции права. Поэтому некоторые политические деятели того времени

признавали римское право. Ян Остроруг подчеркивая, что множество прав в государстве противоречит принципам разума, требовал введения в Польше общего права при выполнении римского права, применяемого повсеместно в европейских государствах, при этом ссылаясь на примеры других народов, у которых это право нашло своё применение⁹.

Похожие взгляды провозглашал Анджей Фрыч Моджевский, который объединил в своей книге «*De Republica emendanda*» предложения об улучшении Речи Посполитой путем унификации права, с обоснованием необходимости его соблюдения во имя блага государства. Задачей разработки кодификации автор доверил специалистам – юристам и гуманистам, которые в своих произведениях должны были основываться на лучших образцах, какие до сих пор разработала законодательная техника. Только таким образом, по его мнению, будет выполнено требование ясности и краткости права, а наиболее удачным образцом для этой цели является римское право. Поэтому, это право следует изучать, а его правила прививать и применять на практике¹⁰.

⁷ И хоть объединение государства привело к тому, что окончательно прекратились притязания Империи на господство над Польшей, однако еще в XVI веке опасения дворянства внушали как действия императора Карла V, не признающего секуляризации Тевтонского ордена, произведенной в 1525 году последним его магистром герцогом Альбрехтом Гогенцоллерном, и подданства им власти польских королей, так и демонстрации императором притязаний на юрисдикционные права в отношении земель, принадлежавших до Торуньского трактата с 1466 г. Тевтонскому ордену (A. Vetulani, *Opory wobec prawa rzymskiego...*, с. 384; тот же автор, *Z badań...*, с. 127.).

⁸ A. Vetulani, *Opory wobec prawa rzymskiego...*, с. 384–385; ср. T. Czacki, *Czy prawo rzymskie było zasadą praw litewskich i polskich? I czy z pólnocnymi narodami mieliśmy wiele wspólnych praw i zwyczajów? Rozprawa czytana w Krzemieńcu na otwarcie roku szkolnego 1808*, Wilno 1809, с. 29.

⁹ W. Vois, *Doktryna polityczno-prawna Jana Ostroroga*, „Państwo i Prawo”, 1954, № 6, с. 1047; ср. A. Vetulani, *Z badań...*, с. 123–124.

¹⁰ Моджевский выражал убеждение о пользе принципов римского права как общих интерпретационных правил (*Dzieła wszystkie*, т 1: *O poprawie Rzeczypospolitej*, Warszawa 1953, с. 294–295). См. также: T. Fijałkowski, *Andrzej Frycz Modrzewski wobec tradycji prawa rzymskiego*, [в:] *Andrzej Frycz Modrzewski i problemy kultury polskiego Odrodzenia*, red. T. Bieńkowski, Wrocław 1974, с. 184 и след. Ср. W. Vois, *Frycza Modrzewskiego nauka o państwie*

Пик интенсивности кодификационных работ пришелся на первую половину XVI века, когда под нажимом короля Сигизмунда I (Старого) сеймы согласились созвать кодификационную комиссию. Первая комиссия была созвана на сейме в Пётркове, в 1519 году. Её возглавил в качестве королевского суперинтенданта Анджей Тэнчынский для реализации дела, начатого сеймовой конституцией с 1511 года *De processu iudiciario in unam formulam redigendo*. Однако, наряду с кодификацией обычного права, должно было также быть улучшенным и действующее право позитивное. О деятельности комиссии известно немного, но со всей уверенностью можно утверждать, что её членами была начата работа, которая в последующие годы способствовала представлению сейму нескольких проектов¹¹.

Так, в 1523 году был утвержден проект Свода судебного права *Formula processus iudicarii*, однако, уже следующий проект, опубликованный в 1532 году, – *Correctura iurium* (именуемый по фамилии одного из членов комиссии Корректурой Ташицкого), не получил одобрения сейма. Большинство дворянства, сторонников экзекуции прав, не ожидала кодификации, а её главным требованием было улучшение прав, понимаемое как гарантия прежних прав. В момент, когда ока-

залось, что у «Корректуры прав» имеется мало общего с программой улучшения прав, дворянство отвергло её полностью, не вдаваясь в оценку по существу, и не видя необходимости в дискуссии о её улучшении или о целесообразности продолжения работ¹².

Провалом закончилась и деятельность последующей кодификационной комиссии, созданной в 1588 году. Неприязнь дворянства следует объяснять его опасением того, что признание объявленного свода в качестве единственной основы для судебных постановлений, привело бы к предоставлению должностей судей в дворянских судах лицам, имеющим юридическое образование, т.е. профессиональным судьям, зависимым от короля, и укрепляющим его власть¹³.

Немаловажным наверняка был и фактор *horror novitatis* – неприязнь дворянства ко всему, что чуждо, а иногда также сложности с пониманием запутанных норм римского права¹⁴. Ситуации негативного восприятия способствовала и ограниченная возможность познания Кодификации Юстиниана в среде единственного в то время университета в Польше – Краковского. Как известно, его основатель, король Казимир Великий, осознавал значение римского права для процесса унификации судопроиз-

i prawie. Polska Akademia Nauk. Studia nad historią państwa i prawa, seria II, т. II. Warszawa 1956, с. 85; J. Sondel, O roli prawa rzymskiego..., с. 59–60.

¹¹ W. Uruszczak, Pryba kodyfikacji prawa polskiego w pierwszej połowie XVI wieku. Korektura praw z 1532 r., Warszawa 1979, с. 100 и след.

¹² О перечисленных кодификационных попытках см., напр., S. Estreicher, Kultura prawnicza w Polsce XVI wieku, [в:] Kultura staropolska, Kraków 1932, с. 67 и след.

¹³ A. Vetulani, Oporu wobec prawa rzymskiego..., с. 385; тот же автор: Z badań..., с. 126–128.

¹⁴ Следует привести важное высказывание Кириштайна Церазинуса, жившего в XVI веке польского юриста, знатока городского права, в произведении O prawie i fołdrowaniu (O праве и иском): «Не любят наши римское право, его надо долго изучать, блуждать как в лесу, а у нас каждый хочет судить так, как ему дед и прадед сказали» (цит. по Т. Чацкому, O litewskich i polskich prawach. O ich duchu, źródłach, związku i o rzeczach zawartych w świeżym statucie dla Litwy w 1529 roku wydanym, Kraków 1861, т. I, с. 27).

водства в государстве¹⁵. С целью подготовки юристов для работы в канцелярии и для дипломатической службы, он учредил, наряду с тремя кафедрами канонического права, пять кафедр римского права¹⁶. Однако, вероятно, при жизни короля их деятельность не была активизирована. Также, после обновления Владиславом Ягеллоном Краковского *Studium Generale* в 1400 году, на протяжении всего XV века не учреждалась ни одна кафедра римского права, существовали лишь канонические кафедры¹⁷.

Систематические лекции по римскому праву были начаты лишь в 1518 году, а непосредственно создание самостоятельной кафедры пришлось лишь на 1533 год. Однако, в XVI веке к римскому праву в Польше относились как к вспомогательной дисциплине канонического права, и оно не играло в краковской науке значимой роли.¹⁸ Популярности изучения римского права также не способствовал и сложный, требу-

ющий значительного времени, экзегетический метод изложения. В этой ситуации, полякам получить юридическое образование на европейском уровне было возможным лишь в заграничных университетах. Лишь в 1594 году Ян Замойский, канцлер и великий коронный гетман, делавший неоднократные попытки вернуть великолепие Краковской академии, осуществил намерения основать собственную высшую школу. Это должна была быть школа, подготавливающая дворянских сыновей к будущим общественным обязанностям.

Для эффективности такой подготовки, решающим по мнению Я. Замойского, был подбор изучаемых предметов, среди которых ведущее место заняли бы юридические дисциплины. Позицию относительно римского права в программе обучения праву, определял учредительный акт 1600 года. А реализацию обучения права должны были обеспечить две из семи кафедр высшего курса: всеобщего и польского права. В профессор-

¹⁵ А. Ветулани допускает, что, если бы планы короля и его советников осуществились, и, если бы должности судей, помощников судей и нотариусов земских и городских судов заняли краковские школяры, обученные юстиниановскому праву, были бы солидные шансы проникновения римского права в принципы польского права, а значит «романизации» частной жизни в средневековой Польше, потому что именно таким путем римское право проникло в сознание немецкого общества (Z badań..., с. 123).

¹⁶ Это число обосновывал созданный в средневековой науке раздел юстиниановского законодательства на пять частей. В Дигестах были выделены: *Digestum vetus* (кн. I–XXIV и две позиции из книги XXV), *Digestum novum* (кн. XXIX–L) и центральная часть, именуемая *Infortiatum*; два оставшихся раздела являли собой: Кодекс (9 первых книг) и так называемый *Volume*, в состав которого входили три остальных книги Кодекса, Институты, *Authenticum* (часть собрания Новелл) и *Libri Feudorum* (лангобардское феодальное право). На вышеуказанном разделе основывалась система изложения права в современных университетах и высших школах, в особенности в Болонье и Падуе, которые стали образцом для организации краковского *Studium Generale* (A. Vetulani, U progu działalności ..., с. 28 и след.; тот же автор, *Początki najstarszych wszechnic...*, с. 151).

¹⁷ W. Bartel, *Dzieje Wydziału Prawa Uniwersytetu Jagiellońskiego przed reformą kołłątajowską*, „*Krakowskie Studia Prawnicze*”, т. 3, 1970, с. 162; см. также: *Historia nauki polskiej*, т. 1, Wrocław 1970, с. 232. Однако следует обратить внимание на то, что трактовка права Юстиниана в качестве вспомогательной науки по отношению к каноническому праву, не было намерением основателя Университета. Изучение римского права должно было стать самостоятельной дисциплиной.

¹⁸ Особенно сожалел об этом один из краковских профессоров римского права, испанец Петр Руиз де Морос (именуемый Ройзием), воспитанник Болоньи, ученик Альциата.

ском составе Я. Замойский предполагал увидеть на первых местах профессоров права, а среди изучаемых предметов одно из главных мест должно было занять римское, каноническое и польское право. Профессор римского права должен сначала преподавать Институции Юстиниана, Пандекты и Кодекс; эти последние – в сокращенном виде (*breviter*). Основой должны были быть Институции, излагаемые, наверняка, целиком из Дигестов и Кодекса выбирались отдельные позиции. После чего, этот же профессор должен был преподавать феодальное право, в том числе саксонское и магдебургское законодательство.

Второй профессор – польского права, должен был объяснять институты канонического права, в том числе полное законодательство, содержащееся в коронных уставах и сеймовых конституциях, а также представлять судебный процесс и канцелярские формулы. В те годы, изучение римского права считалось основой общих юридических знаний и основывалось на кодификации Юстиниана. О программном содержании могут также свидетельствовать экзаменационные требования, определенные в учредительном акте. Экзаменуемый должен был показать знания о достижениях римлян и греков, и особенно о функционировании судов, сената, собраний и общественных собраний [35, с. 79]

Римское право оказало влияние на более позднее законодательство.

Предметом особого интереса исследователей было его воздействие на гражданское право отдельных государств. Также, в небольшой степени занимались поиском романских элементов в уголовном праве. Между тем, многочисленные теоретические конструкции, сформированные либо, по крайней мере, укоренившиеся в классической юриспруденции, проникли в пеналистику более поздних веков. Предметом рассуждения стали, в том числе, вопросы преднамеренной и непреднамеренной вины, обстоятельства, исключаящие вину либо ответственность, стадийные формы преступления.

Теоретические решения, появившиеся во многом благодаря работе классической юриспруденции в уголовном римском праве, переживали свой собственный звездный час¹⁹. Именно в отношении уголовного права можно найти отчетливый пример прямого применения римского права. Например, в средневековой Польше, Казимир Великий, основывая университет в Кракове, отдавал себе отчет в универсальном характере римского права, как системы, признаваемой во всем христианском мире. Поэтому, он отдавал ему первенство над своими собственными уставами при рассмотрении всевозможных обвинений в тяжелых преступлениях, совершенных против светских персон. Их должны были судить королевским судом по римскому праву, но с использованием обычного права как

Полемизируя с мнением, признающим римское право императорским правом, применение которого ограничивало бы суверенность польского государства, убеждал поляков, чтобы по примеру других наций придавали этому праву вспомогательную силу из-за его авторитета. В конце концов, разочарованный отсутствием интереса представленной им дисциплиной и, не скрывая досады от факта, что «юрист (римский) значит в Польше столько же, сколько мещанин у эфиопов» и что «любой астролог пользуется большим уважением» (*Petri Royzii Aurei Alcanicensis Carmina*, Krakow 1900, часть II, с. 258), уехал из Кракова в половине XVI века.

¹⁹ L. Garofalo, *Concetti e vitalità del diritto penale romano*, [в:] *Iuris Vincula. Studi in onore di Mario Talamanca*, IV, Napoli 2001, с. 75 и след.

польского, так и местного права обвиняемого²⁰.

Другим, более многозначительным примером использования римского права в уголовных делах судами Польши до 1795 года, могут быть процессы, производимые о *crimen laesae maiestatis*, а в особенности последний из них, касающийся похищения короля Станислава Августа барскими конфедератами. В этом случае оказалось, что в отечественных законоположениях не хватает соответствующих норм для рассмотрения и решения таких преступлений. В связи с этим было решено обратиться к системе, которая ввиду особого авторитета, применялась в судебной практике, наравне с местным уставным правом.

В Польше не было традиции убивать короля, поэтому не было потребности введения соответствующих законоположений. Начиная с XVI века, история отметила лишь три случая прямых покушений на особу короля. Это – выстрел в Сигизмунда I из огнестрельного оружия в 1523 году, покушение Михала Пекарского и похищение Станислава Августа участниками барской конфедерации. Намного меньшее значение имели такие дела, как покушение Вериги-Даревского в 1679 году на Яна III Собеского, заключавшееся в поношении короля и уничтожения его портрета. В данном случае был вынесен обвинительный приговор.

Было также несколько других случаев обвинения в преступлениях такого рода²¹, но в сущности, в качестве основания для преследования лиц, совершивших такого рода преступления, могла послужить лишь конституция 1510 года. Одна-

ко, она определяла лишь предмет юридической защиты, без указания даже наказания, которое должен был понести преступник. В этой ситуации, согласно применяемой в ту эпоху практике, в отношении необходимости применения санкций, обращались к римскому праву. Оно предписывало наказывать такие преступления, как оскорбление королевского достоинства, определяемое изначально как *crimen maiestatis*, а позднее также *crimen imminutae (violatae) maiestatis* и наконец – *crimen laesae maiestatis*.

В самом древнем римском праве преступления, которые позднее попадали под эту категорию, отождествлялись с государственной изменой – *perduellio*, с угрозой применения смертной казни. В период поздней республики это положение было полностью поглощено понятием *crimen maiestatis*, которое сформировалось на основании нескольких уставов (в том числе *lex Iulia maiestatis*, утверждено скорей всего в 47 г. до н. э.).

Особое значение преступления такого рода получают в период принципата, когда на первый план в качестве предмета специальной защиты от покушений была выдвинута особа правителя. Основное юридическое регулирование в этой области было отражено в Кодексе Юстиниана, в 9 книге, 8 позиции: *Ad legem Iuliam maiestatis*. Содержащиеся там нормы, в средние века распространились по всей Европе, то ли в результате непосредственной рецепции, то ли с помощью их использования для заполнения пробела в местном законодательстве.

Это происходило также и в Польше, где постановлениями Кодекса Юстиниана воспользовались

²⁰ См. подробнее: J. Sondel, *Prawo rzymskie w dokumentach Akademii Krakowskiej*, [в:] *Dawne prawo i myśl prawnicza. Prace historyczno-prawne poświęcone pamięci Wojciecha Marii Bartla*, ред. J. Malec, W. Uruszczak, Kraków 1995, с. 174-176.

²¹ А. Lityński, *Przestępstwa polityczne w polskim prawie karnym XVI-XVIII wieku*, Katowice 1976, с. 40 и след.

сначала в деле Пекарского, который 15 ноября 1620 года совершил неудавшееся покушение на жизнь короля Сигизмунда III. Психически больной Пекарский напал на короля, когда тот направлялся на мессу в Коллегиат св. Иоанна, и дважды ударил его ледорубом, причиняя легкие раны²². По приговору суда он был признан виновным в преступлении оскорбления королевского достоинства и приговорен к квалифицированной смертной казни с конфискацией имущества и инфамии (лат. – *infamia*, лишение гражданских прав).

Наказание в форме инфамии и запрет на наследование было вынесено также в отношении потомства Пекарского (которого, кстати, у обвиняемого не было), также предписывалось сравнять с землей его усадьбу в Беньковицах и поставить на этом месте каменную пирамиду в память о его позорном поступке²³. Согласно решению великого коронного маршала, который мог определить форму смертной казни, Пекарский был разорван четырьмя конями; до этого, по пути на место казни, тело приговоренного терзали раскаленными щипцами, а затем обожгли и отрубили правую руку (которой он совершил покушение). После совершения наказания тело Пекарского было сожжено, а прах был выброшен в Вислу²⁴.

Спустя более 150 лет проходил процесс барских конфедератов, обвиняемых в похищении короля Станислава Августа для того, чтобы поставить его во главе конфедерации для его политического укрепления. Схваченных 2 сентября 1773 года виновников этого деяния, спустя почти три месяца расследований, приговорили к смертной казни путем обезглавливания, четвертования останков, их сожжения и развеивания праха, а также, к лишению дворянства, конфискации имущества, запрету использования фамилии потомством и лишению его прерогатив дворянского сословия.

Двое обвиняемых, которые в покушении не принимали участия, но не сообщили о заговоре, получили наказание в виде пожизненного заключения, с принудительными работами в Каменецкой крепости. 27 обвиняемых, в том числе Казимир Пуласки, были приговорены заочно. В вынесении этого приговора отчетливо виден факт использования римского права *lex Quisquis* императоров Аркадия и Гонория с 397 г. (С. 9, 8, 5), что также являлось основой для преследования всевозможных поступков, даже отдаленно связанных с покушением на царствующую особу, и предвидело для виновника смертную казнь, конфискацию имущества, инфамию,

²² Мотивом покушения, по мнению Р. Пясэцкого, была обида Пекарского на короля, который из-за душевной болезни установил над ним попечительство (*Kronika Pawła Piaseckiego biskupa przemyślskiego. Polski przekład wedle dawnego rękopismu, poprzedzony studjum krytycznym nad życiem i pismami autora*, Кракув 1870, с. 289).

²³ Приговор известен из записей в актах процесса о похищении короля Станислава Августа: *Kontynuacja Indukty od UU. Instygatoryw Koronnych wraz z ostateczną przeciw wszystkim Pozwanym i Przekonanym o ten Kryminal Konkluzją, przez Ur. Jana Nepomucena Słomińskiego Metrykanta Kancelarii Większej Koronnej czyniona*, [в:] *Processus iudiciarius in causa respectu horrendi criminis regicidii in Sacra Persona Serenissimi Stanislai Augusti Regis Poloniae die 3 Novembris 1771 Anno Varsaviae commissi, ex instantia generosorum instigatorum Regni et M. D. Lihuaniae illorumque delatorum contra eiusdem criminis principales, comprincipales ac complices citatos, in iudiciis comitialibus Regni, Varsaviae gestus et formatus, Anno Domini 1773*, Varsaviae 1774, с. 65-66.

²⁴ Описание казни в книге Р. Пясэцкого, *op. cit.*, с. 290.

damnatio memoriae, а также лишение его потомства почетных и наследственных прав.

Впрочем, римское право нашло свое проявление не только в приговоре, но и еще в большей степени во многих высказываниях обвинителей и защитников. Правда, как и суд, они использовали, определение «всеобщее право», которое согласно мнения выдающегося историка права Ромуальда Михайловича Губе, не было чисто римским правом, но «эта амальгама разных прав, появляющихся в Средние века из слепка римского, канонического, феодальных и поместных прав разных стран, из которого теория и практика, в отсутствии национального законодательства, широко черпала информацию» [13, с. 383]. То, что в большинстве высказываний участников процесса речь шла о римском праве, свидетельствует и тот факт, что, говоря о «повсеместном праве», они цитируют римские источники – в основном Кодекс Юстиниана и Дигесты.

В одной из судебных формулировок появляется многозначительное определение «повсеместное римское право». И именно обстоятельство того, что на повсеместное право ссылаются как стороны, так и суд, делающий его основой приговора, указывает на то, что допустимость его применения ни у кого не вызывает сомнений. Частое цитирование Кодификации Юстиниана доказывает тот факт, что к ней относились как к источнику субсидиарного характера, против чего никто из участников процесса не протестовал²⁵.

Принятое в Германии римское право, называемое общим правом (*gemeines Recht*), было усовершенствовано и приспособлено законодателями-пандектистами к новым условиям, причем не только во вре-

мена современной феодальной эпохи, но также и в XVIII – XIX веках. К самым выдающимся пандектистам можно отнести Георга Фридриха Пухту (Georg Friedrich Puchta) и Бернхарда Виндшейда (Bernhard Windscheid). Пандектисты разработали самый обширный из встречающихся в тогдашней цивилистике каталог абстрактных юридических понятий, которые, согласно их мнению, имели в некоторой степени самостоятельное существование, а в процессе соответствующей логической операции должны были служить решением во всех отдельных случаях.

Классики школы пандектов отделили римское право от его исторических источников, создавая на основании источников римского права закрытую систему правосудия, пригодную к применению в современных условиях. Таким образом, юридические нормы были оторваны от метаюридических нормативных систем, общественно-экономической обусловленности, а также от политического или культурного окружения. Пандектисты определили своим заданием приспособление римского права к потребностям современности и к либеральным идеям, они также пользовались доктриной естественного права несмотря на то, что в принципе представляли течение законодательного позитивизма.

Следовательно, благодаря немецкой правовой науке, под понятием "пандектное право", а точнее – "римское пандектное право", понимается римское право в актуализированной и модернизированной форме [36]. Обращаясь к наработкам римского права, было усовершенствовано много понятий и юридических институтов. Среди них можно назвать такие, как свобода соглашений, свободный наём услуг (из которого потом воз-

²⁵ См. подробнее: M. Dyjakowska, *Crimen laesae maiestatis. Studium nad wpływami prawa rzymskiego w dawnej Polsce*, Lublin 2010, с. 194 и след.

ник трудовой договор), наследование. Были созданы также новые термины, специфические для капиталистической экономики, которые касаются хозяйственных обществ, оборота ценных бумаг, кредитных операций. Это направление также называется *usus modernus pandectarum* – "актуальное римское право". Из пандектистики происходит разделение гражданского права на общую часть, вещное право, договорное право, семейное право и право наследования. Следует также отметить, что плодом пандектистики был немецкий гражданский кодекс, *Bürgerliches Gesetzbuch* 1896 года²⁶.

Существенное сопротивление по отношению к римскому праву возникло в XVIII веке. В результате усиленной заинтересованности естественным законом и правом народов, а также государственными правами, была нарушена, неоспоримая в Средние века и в эпоху Ренессанса, позиция римского права, как влияющего фактора на формирование законодательства в ряде европейских государств и в общеевропейской юридической культуре. Отсутствие признания для римского права было вызвано отчасти постулатами полного разрыва с феодализмом, а много принципов феодального права находило свой источник именно в римском праве.

Таким образом, следует указать, что столкновение римского права с реалиями феодальных отношений в Польше и в ряде других европейских государств часто детерминировало его критику как права, – далекого от совершенства, а в некоторых случаях даже аморального, хотя бы в силу сохранения деспотизма императоров или поддержки рабства²⁷. В римском праве не была также достаточно поддержана концепция субъектных прав, представляющая основание всей системы естественного права²⁸. В конечном счете, в юридической системе *Imperium Romanum* был виден космополитический фактор, сдерживающий усилия, приводящие к разработке национальных прав, о чем уже упоминалось, именно в XVIII веке.

Следует также отметить и тот факт, что стремление к кодификации и унификации права поддерживалось университетами некоторых европейских государств, в которых пытались разработать теоретическое основание применения отечественного права в виде новой отрасли – национального права. Такая деятельность постепенно способствовала ослаблению позиции римского права в высших учебных заведениях²⁹.

Вместе с тем, римское право, наконец, составляло основу юриди-

²⁶ См. больше: P. Koschaker, op. cit., с. 291 и след.

²⁷ См. больше: W. Wołodkiewicz, *Le droit romain et l'Encyclopedie*, „Antiqua” т. 38, Napoli 1986, с. XI i n.

²⁸ K. Syjka-Zielińska, *Rola prawa rzymskiego w pracach kodyfikacyjnych wieku Oświecenia*, „Czasopismo Prawo-Historyczne”, т. 27, 1975, тетр. 1, с. 110. Автор отмечает, что отношение философов естественного закона к римскому праву зависело от территории их деятельности. Особенное нежелание к использованию римского права было проявлено на территории Рейха, где при помощи естественного закона оно преодолевалось, как обязательное *ratione imperii*, и не подлежало никакой критике. В то же время, во Франции, не было условий к созданию такой оппозиции, поэтому римское право оценивалось с точки зрения фактической (функциональной) пригодности, а также его соответствия естественным законам, не руководствуясь при этом политическими аргументами.

²⁹ K. Luig, *Institutionenlehrbuch der nationalen Rechts im 17. und 18. Jahrhundert*, Ius Commune 1970, Bd. 3, с. 68–71.

ческого мышления, выразительную как в образовании, так и в правовой литературе. Оно было основанием для определения понятий, классификации учреждений (напр. раздел имущества и обязательств, категории вины), а также для систематики положений, основанной на Институциях Гая (*personae – res – actiones*) или позже – пандектной.

Список использованных источников

1. Bartel W., *Dzieje Wydziału Prawa Uniwersytetu Jagiellońskiego przed reformą kollatajowską*, „Krakowskie Studia Prawnicze”, т. 3, 1970, с. 159-213
2. Bukowska K., *O recepcji prawa rzymskiego w prawie miejskim w dawnej Polsce*, „Czasopismo Prawno-Historyczne”, т. 20, 1968, тетр. 1, с. 257-258
3. Bukowska K., *Orzecznictwo krakowskich sądów wyższych w sprawach o nieruchomości miejskie (XVI–XVIII w.)*, Warszawa 1967
4. Bukowska K., *Z historii nauki prawa rzymskiego we Włoszech i we Francji (mos italicus i mos gallicus)*, „Czasopismo Prawno-Historyczne”, т. 12, 1960, тетр. 2, с. 171-187
5. Czacki T., *Czy prawo rzymskie było zasadą praw litewskich i polskich? I czy z plynocnymi narodami mieliśmy wiele wspólnych praw i zwyczajów? Rozprawa czytana w Krzemieńcu na otwarcie roku szkolnego 1808*, Wilno 1809
6. Czacki T., *O litewskich i polskich prawach. O ich duchu, źródłach, związku i o rzeczach zawartych w świeżym statucie dla Litwy w 1529 roku wydanym*, Kraków 1861
7. Dyjakowska M., *Crimen laesae maiestatis. Studium nad wpływami prawa rzymskiego w dawnej Polsce*, Lublin 2010
8. Estreicher W., *Kultura prawnicza w Polsce XVI wieku*, [В:] *Kultura staropolska*, Kraków 1932, с. 40-118
9. Fijałkowski T., *Andrzej Frycz Modrzewski wobec tradycji prawa rzymskiego*, [В:] *Andrzej Frycz Modrzewski i problemy kultury polskiego Odrodzenia*, red. T. Bieńkowski, Wrocław 1974, с. 165-190
10. Groicki B., *Porządek sądów i spraw miejskich prawa majdeburskiego w Koronie Polskiej*, Warszawa 1953
11. Grzybowski S., *Dzieje prawa. Opowieści, refleksje, rozważania*, Wrocław 1981
12. *Historia nauki polskiej*, т. 1, Wrocław 1970
13. Hube R., *O znaczeniu prawa rzymskiego i rzymsko-bizantyjskiego u narodów słowiańskich*, [В:] тот же, *Pisma*, т. 1, Warszawa 1905, с. 341-397
14. K. Syjka-Zielińska, *Historia prawa*, Warszawa 1997
15. *Kontynuacja Indukty od UU. Instygatoryw Koronnych wraz z ostateczną przeciw wszystkim Pozwanym i Przekonanym o ten Kryminal Konkluzją, przez Ur. Jana Nepomucena Słomińskiego Metrykanta Kancelarii Większej Koronnej czynioną*, [В:] *Processus iudiciarius in causa respectu horrendi criminis regicidii in Sacra Persona Serenissimi Stanislai Augusti Regis Poloniae die 3 Novembris 1771 Anno Varsaviae commissi, ex instantia generosorum instigatorum Regni et M. D. Lihuaniae illorumque delatorum contra eiusdem criminis principales, comprincipales ac complices citatos, in iudiciis comitialibus Regni, Varsaviae gestus et formatus, Anno Domini 1773, Varsaviae 1774*, с. 60-69
16. Koschaker P., *Europa und das römische Recht*, Мюнхен und Berlin 1966
17. *Kronika Pawła Piaseckiego biskupa przemyskiego. Polski przekład wedle dawnego rękopismu, poprzedzony studjum krytycznym nad życiem i pismami autora*, Kraków 1870
18. Kupiszewski H., *Prawo rzymskie a współczesność*, II издание, просмотрели и скрепили введение T. Giaro, F. Longchamps de Brier, Kraków 2013
19. L. Garofalo, *Concetti e vitalità del diritto penale romano*, [В:] *Iuris Vincula. Studi in onore di Mario Talamanca*, IV, Napoli 2001, с. 73-106
20. Lityński A., *Przestępstwa polityczne w polskim prawie karnym XVI-XVIII wieku*, Katowice 1976

21. *Modrzewski A.F., Dzieła wszystkie, т 1: O poprawie Rzeczypospolitej*, Warszawa 1953
22. *Petri Royzii Maurei Alcagnicensis Carmina*, Kraków 1900
23. *Sondel J., Artur Duck – niedoceniany poprzednik Savigny'ego i jego poglądy na rolę prawa rzymskiego w Polsce*, „Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego”, Prace prawnicze, тетр. 97, 1982, с. 69-86
24. *Sondel J., O początkach recepcji prawa rzymskiego w polskim prawie miejskim*, „Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego”, Prace prawnicze, тетр. 97, 1982, с. 37-53
25. *Sondel J., O roli prawa rzymskiego w dawnej Polsce (uwagi ogólne)*, „Acta Universitatis Lodzianis”, Folia Iuridica 21, 1986, с. 45-68
26. *Sondel J., Prawo rzymskie w dokumentach Akademii Krakowskiej*, [в:] *Dawne prawo i myśl prawnicza. Prace historyczno-prawne poświęcone pamięci Wojciecha Marii Bartla*, ред. J. Malec, W. Uruszczak, Kraków 1995, с. 171-181
27. *Sondel J., Ze studiów nad prawem rzymskim w Polsce piastowskiej*, Kraków 1978
28. *Uruszczak W., Pryba kodyfikacji prawa polskiego w pierwszej połowie XVI wieku. Korektura praw z 1532 r.*, Warszawa 1979
29. *Vetulani A., Opory wobec prawa rzymskiego w dawnej Polsce*, „Analecta Cracoviensia”, т. 1, 1969, с. 372-381
30. *Vetulani A., Początki najstarszych wszechnic środkowoeuropejskich*, Wrocław 1970
31. *Vetulani A., U progu działalności krakowskiego Wydziału Prawa*, [в:] *Studia z dziejów Wydziału Prawa Uniwersytetu Jagiellońskiego*, ред. M. Patkaniowski, Kraków 1964, с. 9-34
32. *Vetulani A., Z badań nad kulturą prawniczą w Polsce piastowskiej*, Wrocław 1976
33. *Voisū W., Doktryna polityczno-prawna Jana Ostroroga*, „Państwo i Prawo”, 1954, № 6, с. 1036-1058
34. *Voisū W., Frycza Modrzewskiego nauka o państwie i prawie*. Polska Akademia Nauk. Studia nad historią państwa i prawa, seria II, т. II. Warszawa 1956
35. *Wadowski J.A., Anacephaleosis Professorum Academiae Zamoscensis. Wiadomość o profesorach Akademii Zamojskiej*, Warszawa 1899–1900
36. *Wieacker F., Privatrechtsgeschichte der Neuzeit*, Güttingen 1967

Діяковська М. Вплив римського права на правову культуру в Польщі

Мета цієї статті полягає в дослідженні впливу римського права на європейську правову культуру з XI по XIX століття. Цей вплив став можливим, серед іншого, завдяки процесу отримання римським правом, масштабів, які не були однаковими в різних державах. Найбільш поширеним воно виявилось в Німеччині між XV і XIX століттями. Відроджене римське право, науково розроблене тлумачами і коментаторами, увійшло як загальне право – *ius commune* – до багатьох правових систем держав Європи. У статті підкреслюється, зокрема, ставлення до римського права в Польщі доби Ріастов польських письменників XVI та XVII століть. Досліджувалась роль римського права в умовах проведення кодифікації права в XVI столітті, а також при викладанні римського права в Краківському університеті та в Замойській академії. Доведено, що той же час римське право впливало на форму деяких польських правових інститутів, і іноді можна навіть говорити про пряме застосування римського права в судовій практиці. Авторка доводить, що вплив римського права на кримінальне право був помітним в феодальній Польщі, як і в інших європейських державах. Через прогалини в законі щодо такого злочину, як образа королівської величності (*crimen laesae maiestatis*), польські фахівці рецептували положення римського права для вирішення справи в суді. Підтримана доктринальна позиція, висловлена в польській літературі, щодо допоміжного характеру застосування римського права – або, скоріше, *ius commune* – в судових процесах

про майєстат. Римське право розглядалося, серед іншого, в якості критерію оцінки доказів, форм скоєння злочину, обставин, що виключають протиправність або провину. Римське право також розглядалося як критерій тлумачення по відношенню до національного права. У заключній частині статті розглядається місце римського права в політичній і культурній трансформації Європи XVII і XVIII століть. Було також проаналізовано вплив римського права на проекти кодифікації польського права у другій половині XVIII століття. Цей вплив був особливо помітним в процесі оформлення матеріального і договірного права, а також в області особистого права, процесуального і кримінального права.

Ключові слова: Римське право, європейська правова культура, *mos Italicus docendi*, *mos Gallicus docendi*, юридична освіта, рецепція римського права.

Дияковска М. Влияние римского права на правовую культуру в Польше

Целью этой статьи стало исследование влияния римского права на европейскую правовую культуру с XI по XIX века. Это влияние стало возможным, среди прочего, благодаря процессу распространения римского права, масштабы которого не были одинаковыми в разных государствах; наиболее распространенным оно было в Германии, между XV и XIX веками. В заключительной части статьи рассматривается место римского права в политической и культурной трансформации Европы XVII и XVIII веков, в том числе и его влияние на проекты кодификации польского права во второй половине XVIII века. Это влияние было особенно заметно в процессе становления материального и договорного права, а также в области личного права, процессуального и уголовного права.

Ключевые слова: Римское право, европейская правовая культура, *mos Italicus docendi*, *mos Gallicus docendi*, юридическое образование, рецепция римского права

Diakowska M. The impact of roman law on legal culture in Poland

The aim of this paper is to show the influence of Roman law on European legal culture from the 11th to the 19th century. This influence was possible, among others, because the process of reception of Roman law, the scope of which was not the same in different countries; the most widespread phenomenon occurred in Germany in the period from the fifteenth to the nineteenth century. The revived Roman law, scientifically developed by the glossators and commentators, permeated as a common law - *ius commune* - into many of the particular legal systems of Europe. The paper highlights, among others, on the attitude to Roman law in Piast Poland, and then on the views of Polish writers of the sixteenth and seventeenth centuries on Roman law. The role of Roman law in the work on the codification of law in the 16th century was discussed, as well as the teaching of Roman law at the Cracow and Zamość Academies. At the same time, Roman law influenced the shape of some Polish law institutions, and one can sometimes even speak of direct application of Roman law in court practice. The author attempted to show that in pre-partition Poland, the influence of Roman law on criminal law was visible - as in other European countries. Because of the gaps in the law, the basis of decisions in trials for insulting royal majesty (*crimen laesae maiestatis*) was sought in Roman law. One may even admit to the view expressed in Polish literature about the subsidiary application of Roman law - or rather, *ius commune* - in the trials of *maiestas*. Roman law was treated, among others, as the criterion for assessing evidence, forms of committing crime, circumstances excluding unlawfulness or guilt. Roman law was also treated as a criterion for interpretation in relation to national law. In the final

part of the paper the place of Roman law in the political and cultural changes of Europe in the seventeenth and eighteenth centuries is discussed. The influence of Roman law on codification projects of Polish law in the second half of the 18th century was also analyzed. This influence was visible especially in the proposed substantive law and law of obligations, as well as in the field of personal law, in procedural and criminal law.

Key words: Roman law, European legal culture, *mos Italicus docendi*, *mos Gallicus docendi*, legal education, reception of Roman law.